

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Профессор Томского университета Б. Г. Могильницкий завершил третий том¹ фундаментального труда о развитии исторической мысли XX в. Этот том, по объему превышающий два первых², взятых вместе, посвящен современному этапу развития мировой исторической науки и охватывает период от 1960-х годов до наших дней. Снабженный подзаголовком "Историографическая революция", он заслуживает пристального внимания уже по той причине, что раскрывает магистральные тенденции того этапа исторической науки, современниками которого мы являемся и целостному освещению которого посвящено пока очень немного исследований. Но есть и другие причины.

Одной из главных является личность автора. Б.Г. Могильницкий, на мой взгляд, в полной мере заслуживает быть названным отечественным мэтром историографического анализа, равного которому по познанию мировой исторической науки, широте и глубине постижения ее разных этапов и тенденций, способности всесторонне проанализировать разнообразные ее стороны и создать сбалансированный, точно выверенный синтез, назвать сегодня трудно. Эти, как и другие научные качества Б.Г. Могильницкого, реализовались и в данном томе, который может стать надежным компасом для любого историка, пытающегося разобраться в крайне сложных, запутанных, порой трудно объяснимых перипетиях современной исторической науки.

Назову некоторые важные черты научного подхода Б.Г. Могильницкого, важные для понимания исследовательской специфики труда и его выводов. Одной из них является стремление к полнокровному и объективному раскрытию как тех тенденций и школ, которые, с точки зрения автора, укрепляют позитивное направление в развитии исторической науки, так и тех, которые так или иначе его тормозят. Занимая в отношении последних, например, постмодернизма, критическую позицию, автор вместе с тем пытается вскрыть причины их появления, заключенную в них реакцию на противоречия и слабости сложившейся исторической науки, и те рационально критические моменты, которые могут способствовать преодолению этих слабостей. Вся работа Могильницкого написана в стиле диалога с рассматриваемыми школами и их лидерами, обнаруживает стремление понять и раскрыть логику всех участников мирового историографического дискурса. Другая черта – отказ от претензии на "истину в последней инстанции", признание прав своих оппонентов на равенство в научном споре и права за читателем на собственный выбор наиболее убедительной позиции. Еще одна важная черта – стремление опереться в своей синтетической картине как на собственные выводы, так и на весомые аргументы самых разных, как отечественных, так и зарубежных, ученых. При этом Б.Г. Могильницкий питает особую "слабость" к тру-

Согрин Владимир Викторович – доктор исторических наук, профессор, главный редактор журнала "Общественные науки и современность".

¹ *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Курс лекций, вып. III. Историографическая революция. Томск, 2008.

² *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. Курс лекций, вып. I. Кризис историзма. Томск, 2001; вып. II. Становление "новой исторической науки". Томск, 2003. Развернутый анализ этих томов см.: Новая и новейшая история, 2004, № 5, с. 153–159.

дам своих учеников, охотно и щедро их цитирует. Одним из результатов является то, что читатель воочию убеждается, что учениками Б. Г. Могильницкого исследованы самые разные стороны мирового историографического процесса и что в Томске действительно существует одна из самых сильных, если вообще не самая сильная, в России школа историографических исследований.

Обратимся теперь к содержанию труда. Исходный посыл Б. Г. Могильницкого заключается в том, что на современном этапе осуществлялась историографическая революция; она еще не завершилась, но контуры и тенденции ее полно обозначились. В ней выделяются три этапа. Первый – объективистский (сциентистский) – включает 1960–1970-е годы. Второй – субъективистский – охватывает 1980 – начало 1990-х годов. Третий – синтезирующий – начинается в 1990-е годы и продолжается в наши дни. Обосновывая использование понятия *историографическая революция*, Б.Г. Могильницкий опирается на концепцию классика науковедения Т. Куна³, согласно которой научные революции совершаются через смену господствующей в данной науке парадигмы. В исторической науке эта смена осуществлялась в результате появления новых исследовательских стратегий, которые расшатывали и вытесняли прежние. Она развивалась неравномерно, рывками и откатами, сопровождалась кризисами и на сегодняшний день можно говорить о ее промежуточных результатах. Многие кризисные явления еще не преодолены, но, как утверждает Б.Г. Могильницкий, апеллируя опять-таки к концепции Т. Куна, логика научной, а в данном случае историографической революции, ведет к преодолению кризиса и складыванию новой парадигмы науки. Он полагает, что у исследователя историографической революции есть основания для надежды на "свет в конце тоннеля": "Нащупывается ли эта логика в нашем случае? По существу, все содержание книги представляет собою поиск утвердительного ответа на этот вопрос" (с. 19).

Авторский поиск начинается с всестороннего анализа первого этапа, в основе которого лежал рывок истории к социальным наукам, широкое овладение междисциплинарной методологией, придавшей историографии новые измерения и давшей основание говорить о появлении "новой научной истории". Становление "новой научной истории" рассматривалось автором еще во втором томе, и тогда главное внимание было уделено второму поколению французской школы "Анналов" во главе с Ф. Броделем и английским социальным историкам во главе с Э. Хобсбаумом и Э. Томпсоном. В третьем томе рассмотрено гораздо большее количество школ "новой научной истории" и, что особенно важно, раскрыто расширение ими "территории истории", создание новых дисциплин, освоение новых методологий.

Одной из таких новых дисциплин явилась *новая экономическая история*, или клиометрия, начавшая впервые активно использовать количественные методы исследования, компьютерные модели и программы. Местом рождения новой экономической истории традиционно считают США и о научных результатах клиометрии судят преимущественно по трудам американских историков. Б.Г. Могильницкий уделяет им должное внимание, раскрывая противоречивые стороны творчества американских клиометристов, в первую очередь лауреата Нобелевской премии Р. Фогеля (удачно охарактеризована его концепция контрфактического моделирования истории транспортной революции в США XIX в.). Но в равной степени его интересуют другие национальные школы клиометрии, среди них французская и российская.

Среди представителей французской школы им выделен маститый ученый Э. Ле Руа Ладюри, провозгласивший полвека назад: "Будущий историк будет программистом или его вовсе не будет". Его известная монография "Крестьяне Лангедока", опубликованная в 1966 г., справедливо причислена к образцам серийной истории: в ней реконструированы серии статистических данных, позволивших выявить тенденции целого ряда переменных – населения, производства, цен, доходов в южнофранцузской про-

³ Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.

винции XV–XVIII вв. По оценке Б.Г. Могильницкого, двухтомная монография Ле Руа Ладюри не только была новаторским клиометрическим исследованием, но также "отразила существенное влияние броделевской глобальной истории и может быть по праву отнесена к вершинным произведениям объективистской, сциентистской историографии, утверждавшей научность истории" (с. 104).

Обратившись к российской школе клиометрии, Б. Г. Могильницкий уделил главное внимание ее основателю, академику И. Д. Ковальченко. И.Д. Ковальченко начал создавать российскую школу в первой половине 1960-х годов, почти одновременно с формированием клиометрии в западных странах. При этом будучи сам марксистским историком и испытывая определенные идеологические препятствия в собственной стране, И. Д. Ковальченко инициировал плодотворное сотрудничество с американскими коллегами. Результатом были научные конференции в СССР и США, как и подготовка ряда совместных фундаментальных трудов. Дискуссии американских и отечественных клиометристов выявили важные различия между ними, которые обстоятельно охарактеризованы Б.Г. Могильницким. В отличие от многих американских коллег, в том числе и Р. Фогеля, И. Д. Ковальченко исходил из того, что "никакая количественная модель не может быть построена без модели качественной", и поэтому сам уделял пристальное внимание обеим составляющим количественных исторических исследований. Из под его пера вышли как фундаментальные труды по экономической истории, основанные на количественных методах, так и многие работы по теории истории, среди них классическая монография "Методы исторического исследования" (М., 1987). Рассматривая на подобной двухмерной основе контрфактические исследования Р. Фогеля, И.Д. Ковальченко приходил к выводу, что в них "объективная историческая действительность перекраивается по усмотрению историка". Действительно, выводы Фогеля о том, что железнодорожное строительство не сыграло принципиальной роли в промышленном развитии США и последнее было бы не менее успешным без железных дорог, были глубоко антиисторичны. Ведь превращение железных дорог в главное транспортное средство явилось универсальной закономерностью развития национальных экономик эпохи промышленной революции и реальной альтернативы им не существовало нигде.

Среди дисциплин новой научной истории Б.Г. Могильницкий выделил и отдельно рассмотрел психоисторию, которой большинство отечественных историографов пренебрегает. Обосновывая свой выбор, он указывает, что при всем концептуальном различии между психоисторией и клиометрией в свое время именно они рассматривались как главные "доктора", призванные исцелить больную Клио. При этом психо-история, у истоков которой стояла могучая фигура З. Фрейда, претендовала быть ни много, ни мало, как подлинной наукой об исторической мотивации. Подобная претензия со стороны Б.Г. Могильницкого вызывает критическое отношение уже по той причине, что историческая мотивация многофакторна, но к психоистории он пытается подходить диалектически, отделяя "зерна от плевел".

В психоистории, местом формирования которой являлись по преимуществу США, автором выделены две тенденции. Первая тенденция, воплотившая биопсихологический детерминизм в подходе к историческому процессу, рассмотрена на примере одного из отцов-основателей психоистории Л. Демоса. Кредо этого историка выражено в следующем суждении: «Реальным базисом для понимания мотивации в истории является не экономический или социальный класс, а "психокласс" – разделяемый стиль воспитания детей». Используя данный подход при объяснении процесса образования США, Демос доказывал, что Америка – это продукт формирования особого психического вида через отбор и изоляцию отклонявшихся популяций в специфический момент в эволюции детства в определенной групповой среде. А смена психогенного стиля имела решающее значение для формирования поколения, "групповой фантазией" которого стала Американская революция.

Дав критическую оценку Демосу и его последователям, Б.Г. Могильницкий противопоставил им в качестве плодотворного направления в психоистории школу Э. Эрик-

сона. В его трудах, среди которых выделяются биографии М. Лютера и М. Ганди, психоаналитическая реконструкция чувств и поведения рассматриваемых персонажей сочеталась с их включением в социально-исторический контекст и культурную систему конкретной эпохи. Исследовательская тенденция данного направления означала комбинирование и интеграцию методов психологии и истории, что и позволило новой исторической субдисциплине занять достойное место в обновлявшейся исторической науке.

Но все же главное место в "новой научной истории" принадлежало не клиометрии и не психоистории, а "новой социальной истории", которой Б.Г. Могильницкий уделил наибольшее внимание. О "новой социальной истории" он писал и в предшествующем томе, но тогда рассматривался первый этап ее развития, олицетворением которого были Ф. Бродель и Э. Хобсбоум, нацеливавшиеся на создание глобальной социальной истории, охватывающей все составляющие общества. В новом томе исследуется второй этап развития новой социальной истории, когда в ее развитии произошли принципиальные изменения.

Среди этих принципиальных изменений выделялись два. Во-первых, исследовательский интерес сместился с крупных социальных общностей (экономические классы), на социальные микроструктуры (община, семья, приход), или крупные, но не экономические группы (религиозные деноминации, этносы, половые и возрастные общности). Пристальное внимание к ним социальных историков породило целую сеть новых субдисциплин, среди них такие, как "новая городская история", история повседневности, "женская" и гендерная история.

Второе и, на взгляд Б.Г. Могильницкого, еще более важное изменение заключалось в "антропологическом повороте" новой социальной истории, в результате которого в центре ее внимание оказался, по определению одного из видных французских исследователей, "человек как целое – его тело, пища, его язык, его представления, его технические орудия и способы мышления". Весь этот прежде не востребуемый материал стал основной пищей в первую очередь западных социальных историков, при этом самым любимым и "лакомым блюдом" оказалась история ментальностей.

Б.Г. Могильницкий обращает внимание на то, что понятие *ментальность* с самого начала оказалось для историков дискуссионным и остается таковым по сегодняшний день. Чаще всего в нее включают массовые ценности, верования, традиции, обычаи, символы, ритуалы, психические установки. С точки зрения авторитетных социальных историков, которую Б.Г. Могильницкий разделяет, такие широта и неопределенность понятия ментальность являются, скорее, достоинством, нежели недостатком, они делают предмет исследования пластичным и способствуют раскрепощению исследовательских интересов и возможностей историка. История ментальностей, развивающаяся на протяжении уже более полувека, согласно Б.Г. Могильницкому, оказалась самым продуктивным и влиятельным направлением новой социальной истории и по этой причине ей в монографии уделено наибольшее внимание.

История ментальностей изучалась в разных странах, но наибольшее развитие она получила во Франции, и Б.Г. Могильницкий вполне обоснованно предлагает читателю историографический разбор подходов и трудов ученых этой страны. Их объединяющим центром стали "Анналы" и третье поколение руководителей и авторов этого знаменитого журнала. Место мэтра второго поколения, Ф. Броделя, заняли такие "молодые директора" "Анналов", как Ж. Ле Гофф, Э. Ле Руа Ладюри и М. Ферро. При том, что третье поколение "Анналов" сосредоточилось на новом общем объекте исследования, между его представителями существовали достаточно серьезные различия теоретического и мировоззренческого толка. Яркой иллюстрацией этого может служить сравнение двух монографий на одну и ту же тему: первая, "Человек перед лицом смерти" (1977), принадлежит консерватору Ф. Арьесу, а вторая, "Смерть и Запад с 1300 г. до наших дней" (1983), марксисту М. Вовелю.

Ф. Арьес интерпретирует базовое для него понятие "коллективное бессознательное" как единую ментальность, пронизывающую все социальные слои общества. Так-

же, по его убеждению, эволюция мыслительных форм определяет развитие общества, вследствие чего утверждается правомерность изучения ментального вне связи с социальным. Для Вовеля же исходной является та посылка, что бытие определяет сознание, а, следовательно, и отношение к смерти. Отвергая трактовку Арьесом понятия "коллективное бессознательное", Вовель указывает на различное восприятие жизни и смерти разными социальными группами, выразившееся в различии ритуалов, сопровождавших и окружавших смерть, а также представлений о загробной жизни.

Отметим, что обращение Вовеля, как и других французских историков-марксистов, к изучению ментальности свидетельствует о бесосновательности распространенных среди советских историков той эпохи опасений, что ментальная тематика является идеалистическим "уклоном" в развитии исторической науки. Вовель и его коллеги рассматривали обращение к этой тематике как движение исторической науки "от подвала к чердаку" (выражение самого Вовеля), т.е. от экономического базиса к социокультурной надстройке, что не подрывало, а укрепляло позиции сторонников "глобальной истории", поскольку включало в нее важный, но ранее отсутствовавший компонент.

Такой вывод подтверждается и рассмотрением творчества одного из лидеров третьего поколения школы "Анналов" Ж. Ле Гоффа. Несмотря на то, что в центре внимания Ле Гоффа оказался мир ментального, он продолжал аналитическую традицию создания "тотальной" истории, получившую прежде наиболее масштабное воплощение в трудах Ф. Броделя. Это ярко проявилось в труде Ле Гоффа "Цивилизация средневекового Запада", всесторонне охарактеризованного Б.Г. Могильницким. Анализ ментальности, мира эмоций и поведения средневековых европейцев в труде французского историка предшествуют главы "Материальная жизнь" и "Христианское общество". Эта цивилизация являлась не только христианской, но и феодальной. При этом в трактовке феодализма как социально-экономической системы, а не просто военно-политической организации Ле Гофф перекликается с К. Марксом. Но преемственность Ле Гоффа со знаменитыми предшественниками не умаляет его оригинального научного вклада и не отрицает создания им концепции и картины "иного средневековья". Условия материального существования и социальная структура реконструируются французским историком изнутри – глазами мыслящих, чувствующих, страдающих людей того времени. Книга Ле Гоффа была и остается образцом историко-антропологического исследования и вместе с тем это вариант "тотального" видения прошлого, выгодно отличающийся от массы распространенных ныне микроскопических историко-антропологических исследований, сосредоточенных на крохотных обществах.

Свидетельством того, какое влияние приобрела история ментальностей среди французских историков, является творческая эволюция другого видного представителя школы "Анналов", Ле Руа Ладюри. Этот историк, провозгласивший в 1960-е годы, что "будущий историк будет программистом или его вовсе не будет", а в 1966 г. опубликовавший клиометрический труд "Крестьяне Лангедока", в следующем десятилетии совершил резкий "антропологический поворот" и в 1977 г. издал монографию "Мон-таю. Окситанская деревня", ставшую знаковой работой уже в изучении истории ментальностей. В ней исследованы поведенческие нормы, быт, разные стороны восприятия окружающего мира простыми жителями одной из средневековых французских деревень. Позитивными сторонами этой монографии Б.Г. Могильницкий считает прежде всего то, что ее автор выступил против обычного прежде пренебрежения в отношении средневековой крестьянской культуры, как и то, что читателям был предложен еще один, вслед за "Средневековой цивилизацией Запада" Ле Гоффа, вариант тотальной антропологизированной истории, замыкающейся в случае с Ле Руа Ладюри на обитателях одной деревни.

Изучение истории ментальностей быстро приобрело популярность во многих западных странах. Причем, если в одних из них, как, например, в Англии, оно произрастало из собственных корней, то в других, среди них США, определяющим было фран-

цузское влияние. Относительно того периода можно говорить и о первых ростках этого направления на российской почве. Его представителем в нашей стране выступил А.Я. Гуревич. Судьба этого исследователя была драматичной. Он достаточно быстро добился широкого научного признания за рубежом, но в своем отечестве вплоть до постсоветского периода испытывал настороженное, а подчас и отрицательное отношение. Б.Г. Могильницкий предпринимает попытку полнокровного анализа научного творчества А.Я. Гуревича. Рассмотрев его многочисленные труды, методологию, концепции, он приходит к выводу, что А.Я. Гуревич был не только первым ярким представителем "новой социальной истории" в собственном отечестве, но и выражал наиболее плодотворную тенденцию этой международной историографической школы.

На многочисленных примерах Б.Г. Могильницкий показывает, что в изучении истории ментальностей выступили две основные тенденции. Одна из них, вобравшая в себя подавляющее большинство ее представителей, может быть обозначена как казусная: она замкнулась на исследовании отдельных, зачастую незначительных событий, к тому же не вписываемых в широкие социальные контексты. Основу другого подхода составляло стремление к историческому синтезу, направленному на реконструкцию картины мира людей определенной эпохи и выявлению благодаря этому общих закономерностей ее развития. Ярким представителем такого подхода как раз и выступал А.Я. Гуревич, и именно это позволило ему занять важное место в мировой историографии истории ментальностей, в которой глубокие синтезирующие труды исчислялись единицами и попадали в ее золотой фонд.

Если в начальный период "новой научной истории" в ней на первый план выступило объективистско-сциентистское направление, то в последующем лидерство перешло к школе истории ментальностей, "антропологический поворот" которой означал и начало более широкого субъективистского поворота в исторической науке. Последний со временем приобретал противоречивые черты, но возникновение его было закономерно, отразив объективные потребности развития исторической науки. Прежняя сциентизация научной истории, распространение серийных исследований вели к отрыву истории от широкой общественности, превращали ее в домен узкого круга специалистов, консервировали ее гуманистический потенциал. "Антропологический поворот" означал попытку вернуть человека в историю в качестве главного субъекта. Тенденция восстановления связи истории с широкой общественностью обнаружила себя в возрождении в 70–80-е годы XX в. нарратива, как и биографического жанра, как и политической истории, которые, впрочем, приобрели более зрелые формы, нежели в "досциентистский" период. Зависимость истории от социальных наук стала ослабевать, а ее самостоятельность упрочиваться.

Так вызревал второй, "субъективистский", этап современной историографической революции, который, согласно логике и исследовательским выводам Б.Г. Могильницкого, в своем возникновении заключал позитивное начало. Но со временем в нем обнаружились и иные тенденции, которым даются критические, но вместе с тем неоднозначные оценки. Главной среди этих тенденций стало оформление постмодернизма.

О постмодернизме, в первую очередь за рубежом, написано достаточно много. Но, на мой взгляд, ясное представление об этом явлении удастся почерпнуть весьма редко, возможно, по той причине, что сами представители постмодернизма изъясняются в высшей степени вычурно, как бы камуфлируя свои сущностные черты лингвистическими изысками. Заслугой Б.Г. Могильницкого является то, что в его книге такое ясное представление как раз дается. Он достигает этого разными приемами, в том числе при помощи характерного для книги в целом рассмотрения определенного историографического феномена на примере одного из его видных представителей. В случае с постмодернизмом анатомическая процедура проведена в отношении его мэтра Хейдена Уайта и его известной (на взгляд ряда критиков, скандальной) книги "Метаистория"⁴.

⁴ См.: Уайт Х. Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург, 2002.

Главный тезис Уайта состоит том, что у истории, в отличие от естественных наук, "нет единого языкового протокола", т.е. общепринятого научного языка. Труды историков, даже самые авторитетные, только по видимости являются научными, а по сути это репрезентации определенных языковых модусов (тропов) обыденной речи. Этот достаточно безыскусный – если его очистить от теоретических обрамлений – тезис приобрел на Западе в конце прошлого века огромное влияние. Его адепты стали доказывать, что историки могут претендовать только на создание неких текстов о прошлом, но не на постижение исторической истины. Подобный взгляд на историю – "лингвистический поворот" – создал смертельную опасность для профессии историка, ее научных, теоретико-методологических, да и нравственно-этических оснований. Он вызвал развернутую критику со стороны оппонентов, к которой Б.Г. Могильницкий присоединяется, указывая, что "в своих крайних выражениях постмодернизм означал отрицание объективных оснований исторического познания, как и самой не зависящей от исследователя прошлого исторической действительности" (с. 36).

Но, как и в случае с осмыслением в одном из предшествующих томов неокантианства, Б.Г. Могильницкий меньше всего склонен представлять постмодернизм в качестве некоей историографической алхимии, которую историки, пекущиеся о чести своей профессии, должны развенчать, а исследователи, дорожащие своим временем, могут просто проигнорировать. Он предлагает задуматься о заключенном для исторической науки в постмодернизме вызове и даже, по возможности, извлечь пользу из его эпистемологических посылов. Они же включают отказ от любых жестких априорных схем с претензией на обладание непогрешимой истиной и связанного с этим строгого линейного детерминизма в объяснении исторического процесса и составляющих его отдельных явлений. Следствием вызова постмодернизма стали раскованность мысли и воображения, обращение к разным исследовательским стратегиям, развитие диалогических форм исторического познания, его эстетизация, обоснование понятия исторического дискурса как особого типа изображения прошлого.

Многие историки-практики, возможно, вздохнут с облегчением, узнав из книги Б.Г. Могильницкого, что "лингвистический поворот" в современной историографической революции оказался самым коротким и что после этого обозначился ее переход на третий, синтезирующий этап. Этот этап характеризуется в книге как субъективистско-объективистский, интегрирующий достижения двух предыдущих и, вместе с тем, отвергающий присущие им крайности как объективистского, так и субъективистского толка. Фокусируя историческую профессию на изучение мира человеческой субъективности, он не только не исключает, но и прямо предполагает обращение к широкому социальному контексту, в который погружен человек. Личность также творит социальные, политические и иные структуры, как и они ее. По заключению Б.Г. Могильницкого, в этом исследовательском поле, очерченном диалектикой объективного и субъективного в историческом процессе и историческом познании, заключены возможности формирования новой парадигмы истории, парадигмы XXI в.

Тенденции третьего этапа раскрываются на разных материалах, в частности на примере эволюции нового, уже четвертого поколения "Анналов", вышедшего на арену в конце XX в. Эволюция эта противоречива, но в ней проступает и программа междисциплинарного синтеза в рамках непротиворечивой методологии исторического исследования (с. 264). Слабостью же программы, как и исследовательской практики современного поколения "Анналов", Б.Г. Могильницкий считает отсутствие общеисторической теории, объясняющей явления микро- и макромира в их динамическом единстве.

Обращение Б.Г. Могильницкого к поиску такой теории за рамками школы "Анналов" обнаруживает, по сути, отсутствие пользующихся широким признанием ее образцов. Взять, к примеру, теорию миросистемного анализа американского ученого И. Валлерстайна, которая подробно рассмотрена в книге. В ее основе лежит разделение миросистемы последних столетий на три концентрированные зоны: 1) мировое ядро; 2) полупериферия; 3) мировая периферия. На сегодняшний день с этой теорией

знакомо достаточно большое число историков, но многие ли из них готовы взять ее на вооружение в своей исследовательской практике? Б.Г. Могильницким рассмотрены также теории глобальной истории и цивилизационного подхода. Но и об их широком признании в мировом сообществе историков говорить затруднительно. Осмысливая эти и другие перипетии исторической науки, автор приходит к заключению, что ее, возможно, еще ожидают самые серьезные пертурбации. Тем не менее заключительный обобщающий тезис ученого звучит оптимистично: «В XXI в. история вступает как открытая, бурно развивающаяся, сбалансированная в своих основных структурных элементах система. Не будем, дабы не предаваться очередным иллюзиям, пытаться предугадать, в какой иерархии эти элементы выстроятся в науке будущего и как часто и в каком направлении они будут изменяться в соответствии с внутренней логикой развития науки и, в не меньшей мере, под влиянием общественных потребностей и ожиданий. Ясно лишь одно. Наша дисциплина обладает достаточным потенциалом для уверенного плавания по бурным волнам "исторического" XXI в.» (с. 530).

Возможно, кому-то из читателей такой оптимизм покажется чрезмерным. В адрес книги могут прозвучать и другие замечания. Например, о ее сосредоточенности на западной историографии. Также может быть отмечено недостаточное выявление специфики российской историографии постсоветского периода. Но эти и другие возможные критические суждения не способны умалить научных достоинств работы Б.Г. Могильницкого. На сегодняшний день этот труд вместе с двумя предшествующими томами историографической трилогии ученого является, на мой взгляд, одним из самых глубоких, тонких, полезных для самого широкого круга профессиональных историков и преподавателей исследований перипетий, тенденций, преемственности и обновления исторической мысли XX – начала XXI вв.